

³⁰ Баскаков Н. А. Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С. 50.

³¹ Краткая сибирская летопись (Кунгурская). СПб., 1880.

³² Трофимова Т. А. Тобольские и барабинские татары // Тр. ИЭ им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.; Л., 1947. С. 200.

³³ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Л., 1968. С. 304.

³⁴ Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905.

Siberian Tatars Ethnogenesis (inference from onomastical data)

The last decades witnessed a series of new publications on ethnography and linguistics of the Siberian Tatars. The author, basing on fieldwork data collected in 1982—1989 in the south of Tiumen' region, as well as on archival sources, reconstructs complex ethnic history of the Siberian Tatars, documenting on the basis of toponymic and anthroponymic data the contribution of Finno—Ugric and Samodean, as well as diverse Turkic populations (Khakass, Teleut etc.) to the Siberian Tatars.

Kh. Ch. Alishina

© 1994 г., ЭО, № 3

Н. Ф. М о к ш и н

ИЗ ИСТОРИИ МОРДОВСКО-ТЮРКСКИХ СВЯЗЕЙ

В исторической науке долго бытовало мнение, будто мордва, огражденная от остального мира дремучими лесами, в прошлом мало вступала в контакты с другими народами, особенно восточными и южными соседями. «Много столетий, — говорится, например, в предисловии к «Древностям мордовского народа» (Саранск, 1941) — одаренный и трудолюбивый мордовский народ держался в глуши своих лесов, загораживаясь ими от постоянно грозивших со стороны степей опасностей: набегов кочевников, пожаров, ограблений и увоза в рабство»¹.

Изучение археологических, антропологических, этнографических, исторических и других материалов показывает, что мордовский этнос как при формировании, так и в процессе дальнейшей своей истории находился в генетических и культурных связях с другими этносами, и его оригинальная культура аккумулировала компоненты ряда других культур, творчески перерабатывая их. Из этих связей наиболее длительными и тесными были связи мордвы, с одной стороны, со славянскими, а с другой — с тюркскими народами.

Контакты мордвы с восточными славянами, судя по археологическим данным, начались в области среднего течения Оки в середине I тысячелетия н. э. В VIII—IX вв. они усилились, а в X в. здесь происходила массовая колонизация славянами (в основном вятичами) мордовских земель, шедшая, по свидетельству археологов в густо населенный край с хорошо вооруженным народом. Одной из наиболее существенных причин продвижения сюда славянского населения было вытеснение его кочевниками из южных областей, прежде всего Подонья².

Первые контакты мордовских племен с тюркскими некоторые археологи датируют VI—VII вв., но более интенсивными они становятся в период существования Волжской Булгарии — первого раннефеодального государственного образования в Волго-Камье, возникшего на рубеже IX—X вв.³ Передвижение тюркоязычных булгар на север захватило довольно широкую полосу левого и правого

берегов Волги. В Среднем Поволжье они столкнулись с мордовскими племенами и отчасти потеснили их на запад и северо-запад, в леса. В прибрежной полосе правого берега Волги раскопано немало поселений, в которых мордовский слой резко отделяется от лежащего выше болгарского слоя, что свидетельствует о вытеснении автохтонов. Часть же мордовского населения, особенно левобережья Волги, видимо, осталась на месте и вошла в состав Булгарского государства ⁴.

В хозяйственном отношении местные средневожские, в том числе и мордовские племена и пришельцы-булгары, в целом стояли примерно на одном уровне развития, а может быть, первые даже и превосходили последних в культуре земледелия, но в отношении социальной, особенно военной, организации, наверное, уступали им ⁵. Местное население сыграло большую роль в окончательном переходе болгарских племен от кочевого скотоводческого образа жизни к оседлому земледельческому. Тесное общение волжских тюрков с территориально близкими мордовскими племенами способствовало их культурному взаимовлиянию ⁶, что запечатлелось и в языке ⁷.

По подсчетам лингвистов, в современных мордовских языках имеется свыше двухсот тюркских заимствований ⁸, за исключением антропонимов, о которых будет сказано ниже особо. Выявление и этнолингвистическая стратиграфия тюркизмов в мордовской лексике сильно затруднены недостаточностью сведений о древнетюркских языках и диалектах. Более или менее удовлетворительной научной паспортизации пока что поддаются лишь татарские и чувашские (в том числе болгарские) заимствования ⁹.

Если чувашизмов в современных мордовских языках сохранилось всего около двух десятков (сравните: мокшанское, эрзянское *ила* — обряд, обычай, чувашское *йала* — обычай; мокшанское, эрзянское *комля* — хмель, чувашское *хамла* — хмель; мокшанское *ака* — старшая сестра, тетя, чувашское *акка* — старшая сестра и др.), то слов татарского происхождения насчитывается не менее двухсот. Примечательно то, что они, как и все тюркизмы, представлены в мордовской лексике в разной мере. Одни встречаются в обоих языках (*айгор* — жеребец, *алаша* — лошадь, *поза* — квас, брага, *куда* — сват, *сумань* — зипун, кафтан и т. д.), другие вошли в мокшанский, но отсутствуют в эрзянском (*азря* — сундук, *кагод* — бумага, *конак* — гость, *осал* — плохой, скверный, *цебярь* — хороший, *сузма* — кислое молоко, творог, *той* — цена за невесту, *тотмак* — короткая, толстая дубинка, *арлан* — крот, *алуж* — приятель, *каймак* — ватрушка, круглый открытый сверху пирог, *берянь* — плохой, дурной, *улов* — покойник, *уця* — хребет, позвоночник, горб и др.) ¹⁰.

«Причем в мокшанском наречии, — писал М. Е. Евсевьев, — татарских слов больше, чем в эрзянском, так как мокша более продолжительное время находилась под непосредственным влиянием татар, чем эрзя. Это обстоятельство, между прочим, немало способствовало также и удалению друг от друга этих наречий мордвы» ¹¹.

Важно отметить, что мордовско-тюркские связи не были односторонними. Исследовательница татар-мишарей Р. Г. Мухамедова пишет: «...в Среднем Поволжье происходило переплетение культур тюркских и мордовских племен, что в значительной степени отразилось как на формировании культуры и быта мишарей, так и мордовского народа. Такие детали в материальной культуре мишарей, как косуля, путмар, лыковая обувь (прежде всего лапти), характерные для мордвы с глубокой древности, конечно, следует считать мордовскими заимствованиями. Роль культуры мордовского народа заметна и в развитии жилых и хозяйственных построек (особенно в планировке жилища) и некоторых других элементов материального быта татар-мишарей. В семейном быту мишарей и мордвы, в частности в семейных обрядах в прошлом, также заметны некоторые параллели... Значительные параллели обнаруживаются и в древних верованиях, в народном творчестве (особенно в узорном ткачестве) этих двух народов» ¹².

Обогатился мордовскими заимствованиями и язык татар-мишарей. Зафиксировано несколько лексем, воспринятых ими из мордовского языка: *пангы*

(гриб), *мошко* (конопля), *пизел* (рябина), *кяркиш* (бечевка, оборка, ср.: морд. *карькст* — оборы) и некоторые другие¹³.

Мордва отчетливо различала те или иные тюркские этносы, знала их этнонимы, что является немаловажным свидетельством, подтверждающим интенсивность мордовско-тюркского взаимодействия. В фольклорных произведениях мордвы до нас дошли такие этнонимы тюркских народов, как *гузт* (огузы), *губант* (ногайцы-кубанцы), *башкирт* (башкиры), *киргизт* (казахи), которые были широко известны и другим народам. Но для обозначения тюркских этносов, имевших с мордвой особенно тесные связи, она создала самобытные этнонимы, из которых наибольший интерес представляют этнонимы *ветькеть* и *печкаст*. Первым мордва называла и называет до сих пор чувашей, а вторым — татар.

Как известно, чувашский народ под его современным этническим названием *чуваши* на страницах русских исторических документов появляется довольно поздно, лишь с XVI в., когда завершился процесс присоединения народов Среднего Поволжья к Российскому государству. В то же время, несомненно, что этот народ жил на занимаемой им и ныне этнической территории с давних времен в соседстве с мордвой, марийцами, татарами, русскими и был знаком им, видимо, под другими этнонимами. Так, один из руководителей похода русских войск на Казанское ханство Андрей Курбский писал, что после переправы от мордвы через реку Суру навстречу им стала приходиться «...Черемиса горная, а по их Чуваша зовомые, язык (народ.— Н. М.) особый»¹⁴.

Различные авторы искали чувашей в русских средневековых источниках не только под именем черемис горных, но и черемисы казанской, просто черемис, горных татар, буртас и даже мордвы¹⁵. Отнюдь не исключая того, что в разных русских источниках эпохи средневековья чувашаи и в самом деле подчас могли фигурировать под вышеназванными этническими именами, связанными в действительности с иными этносами, а не с чувашским, следует заметить, что в некоторых из них есть этноним, с большим основанием, чем другие, соотносимый непосредственно с чувашами. Я имею в виду этноним *веда* (*вада*, *вяда*), упоминаемый, в частности, в «Слове о погибели Русской земли» (XIII в.): «Буртаси, черемиси, веда и морьдва бортьничаху на князя великого Володимера»¹⁶.

Анализируя этот источник, академик М. Н. Тихомиров заметил: «...под черемисами, вадой или под буртасами надо понимать в первую очередь чувашей»¹⁷. Но под кем же конкретнее следует понимать чувашей — черемисами, вадой или буртасами? Этот вопрос он оставил открытым.

Мне удалось выявить новые аргументы в пользу того, что под чувашами в данном случае надо разуметь веду. Особенно важным из этих аргументов является бытование этого этнонима у мордвы. Самое раннее письменное свидетельство о том, что мордва именует чувашей *witi*, содержит карта Московского государства начала XVII в., составленная голландским купцом и путешественником Исааком Массой. К названию *Czeremi si Nagornoj* («Черемисы нагорные») он сделал на карте дополнительную пометку — *Mordo-witi*, «по-мордовски — вити». Мордва (*Mordua*) на этой карте расположена южнее «Черемис нагорных», т. е. чувашей. Как уже отчасти было сказано выше, в русских, а вслед за ними и в ряде западноевропейских источников XVII и даже начала XVIII в. они иногда назывались черемисами¹⁸.

Из русских исследователей, первым кто обратил внимание на мордовское наименование чувашей, был В. Н. Татищев. «Мордва чюваш,— писал он,— ...называют ветке»¹⁹. Об этом же свидетельствовал Г. Ф. Миллер: «Чуваши... по-мордовски Вьедене называются»²⁰. Несколько позже И. Г. Георги также констатировал: «Чуваши, которые как сами, так и от Россиян сим единственно именов, от Мордвы же Видками называются...»²¹.

«Ветькенъ мастор», т. е. «Ветьканская земля» или «Земля (страна.— Н. М.) ветьке» — так именуется в мордовских народных песнях чувашская земля²². Как заметил мордовский этнограф и филолог М. Е. Евсевьев, уроженец с. Малые Кармалы Ибресинского р-на Чувашской ССР, в 1920-х годах в этом и других

мордовских селх Чувашии мордва называла чувашей *ветьке*²³. Этнографические наблюдения, проведенные мной в Ибресинском и Алатырском районах Чувашии, позволили выявить устойчивое бытование этого этнонима среди тамошней мордвы вплоть до настоящего времени.

В ряде документов русского делопроизводства XVI—XVII вв. упоминается «Ватцкая мордва», «Вацкая мордва», «Мордва Вадцкая»²⁴, под которой следует понимать не «Ветьканскую (чувашскую.— Н. М.) мордву», а мордовское население, жившее по реке Вад — притоку реки Пьяны (ныне Вадский р-н Нижегородской обл.), в том числе в деревнях Большой и Малый Вад. Не исключено, что этноним *веда* (вада, вяда), которым русские в эпоху средневековья именовали чувашей, был и воспринят ими от мордвы. Этимологически он может быть связан с этнонимом *ватка* — ныне эндонимом северных удмуртов, в этногенезе которых приняли участие расселившиеся среди них «чепецкие чувашы», или «бесермяне»²⁵.

Экзонимом *печкас* (татарин) впервые зафиксирован в рукописном «Словаре языка мордовского» (эрзянского.— Н. М.) второй половины XVIII в.²⁶. Прослеживается он в фамилии Печказовых, бытующей в Мордовии до сих пор, а также в фамилии Печкисовых. Имеется мнение, будто мордовское слово *печкас* означает «печенег», происходя от чувашского *петене* (печенег)²⁷. Но с таким мнением вряд ли можно согласиться. Этноним *печкас* (во множественном числе *печкаст*) мордва, скорее всего, произвела от мордовского же слова *печкезь* «обрезанный», акцентировав внимание на обычае обрезания, столь характерном для мусульманских народов.

Исторически больше контактируя с мордовской-мокшей, татары в свою очередь всю мордву называли этнонимом *мушка*, *мухша*, *мушкилар*, *мухшилар*. В отличие от татар чувашы больше взаимодействовали с мордвой-эрзей, поэтому всю мордву они обычно называли этнонимом *ирзя*. «Ир тарсан, ирсе пек, кас вуртсан, кашта пек», — говорится, к примеру, в одном из чувашских благопожеланий, что означает «Вставая поутру, становись как мордвин (точнее, как эрзянин «ирсе пек». — Н. М.), засыпая вечером, становись как жердь». Так приговаривают чувашы, поглаживая маленького по животу. В словах этих выражается пожелание ребенку вырасти здоровым и высоким²⁸.

Проведенные автором исследования в области исторического ономастикона мордовского народа показывают, что мордовско-тюркские взаимоотношения носили не столько конфронтационный, сколько добрососедский характер, способствовавший взаимообогащению культур. Процесс этот хорошо прослеживается, к примеру, на материалах мордовского именника, в котором представлены как тюркские домусульманские (немусульманские) антропонимы, так и мусульманские, в том числе и арабские, воспринимавшиеся через посредство тюркоязычных народов. Имена эти сохранились в основном в русской записи в различного рода государственных документах, а некоторые дошли до нас в качестве основ фамилий, бытующих у мордвы и в настоящее время.

От тюрков мордва первоначально воспринимала домусульманские имена. Из таковых наибольшее распространение среди мордвы имели: Абай, Абыз, Азюка, Аишкой, Айчура, Акай, Акбулат, Акмай, Алай, Алмакай, Алдуш, Алтыш, Алчкей, Алыш, Алям, Ансурманза, Араслан, Аркай, Арык, Асман, Атабай, Атаман, Бабай, Бабиш, Бабур, Базай, Базар, Баимей, Бай, Байгуш, Байдюк, Байтемир, Байтул, Байтяк, Бақштай, Бахмур, Батай, Баюш, Бегиш, Бекай, Бектяй, Бектяш, Бекшай, Бигаш, Бигильдей, Биговат, Бикей, Биляр, Бисар, Бичка, Бичура, Биюш, Бозай, Ботрай, Бошкой, Булай, Булат, Буртас, Бурхан, Бухар, Девлеш, Досай, Дугуш, Инюш, Исабай, Ишей, Иштубай, Иштуган, Евкамай, Елай, Еманай, Емаш, Емонтай, Еналей, Енбулат, Ерней, Еруслан, Кабай/Кобай, Казай, Казанчей, Калей, Камай, Канебьяк, Кантей, Карамыш, Каратай, Касим, Кенебай, Кижмень, Кизильбаш, Киндяка, Китай, Коктай, Колчан, Конак, Куман, Куманяй, Кумаш, Курбат, Куткай, Кутук, Кучюк, Кучуш, Майдан, Мамолай, Мемей, Мозар, Мочкодей, Мурат, Мурзадей, Мурзай, Нагай/Ногай, Неяс, Олмяш, Ратман, Резепа/Ре-

зьяпа, Рузай, Сабай/Собай, Сабан, Сабанчей, Сабаш, Сагалай, Сайгаш/Сайгуш, Салдуш, Салмай, Салтан, Сарай, Сардай, Селеват, Солтоган, Сырчей, Сюддей, Сюддюк, Тансар, Татар, Тауш, Тахтамыш, Теребердей, Терситей, Тогонаш, Толмай, Торхан, Тугуш, Тукай, Туман, Турай, Турген, Тюгаш, Узветь, Улан, Ушай, Ушмай, Ушман, Ушмодей, Чебай, Чембулат, Чимбай, Чингас, Чолпан, Шабай, Шижган, Шигай, Ширман, Юртай, Юртуш, Ямаш, Янгильдей, Янгляй, Ятай, Яуш и др.

Из имен мусульманского происхождения у мордвы зафиксированы: Ислам, Ислан, Касим, Коранчей, Мамед, Мансур, Меметь, Назим, Сафар, Уразай, Уразаметь, Чалмай, Челмака, Челмат, Челмодей/Шелмандей. Из тюркских женских имен в документах делопроизводства XVI—XVIII вв. выявлены: Асан, Асеманей, Дугай, Енея, Исея, Кенебая, Мурзайка, Ягилдя, Ясай.

Некоторые из имен, заимствованных от тюркских народов, сохранились в качестве основ фамилий, бытующих у мордвы и в настоящее время: Абайкин — от имени Абай, Акайкин — Акай, Акмаев — Акмай, Алямкин — Алям, Арапов — Арап, Арасланкин — Араслан, Аркайкин — Аркай, Асманкин — Асман, Аюшев — Аюш, Базаркин — Базар, Бабуров — Бабур, Башкайкин — Башкай, Бекайкин — Бекай, Бектяшкин — Бектяш, Бекшаев — Бекшай, Бикейкин — Бикей, Биляркин — Биляр, Булаткин — Булат, Дивеев — Дивей, Дугушкин — Дугуш, Жиганов — Жиган, Исабайкин — Исабай, Исламкин — Ислам, Кабаев — Кабай, Кадоркин — Кадор, Камаев — Камай, Канайкин — Канай, Касимкин — Касим, Китаев — Китай, Колганов — Колган, Куманев, Куманькин, Куманяев — Куман, Куняев — Куняй, Мамайкин — Мамай, Мурзаев — Мурзай, Мурзакаев — Мурзакай, Мустайкин — Мустай, Назимкин — Назим, Начаркин — Начар, Сайгушев, Сайгушкин — Сайгуш, Сакалкин — Сакал, Сарайкин — Сарай, Султанов — Султан, Толмаев — Толмай, Тюгаев — Тюгай, Тюганов — Тюган, Тюгашкин — Тюгаш, Ураскин — Урас, Чебайкин — Чебай, Челматкин — Челмат, Чембулатов — Чембулат, Шижганов/Шишканов — Шижган, Юртаев, Юртайкин — Юртай, Ямашкин — Ямаш, Яушев — Яуш и др.²⁹

Мордовско-тюркские связи отразились и в топонимии. Топонимы-тюркизмы закрепились в основном в названиях татарских населенных пунктов и носят по большей части антропонимический характер: Адаево, Айкеево, Акашево, Аллагулово, Жегалино, Енаково, Енгуразово, Идеево, Инят, Кадышево, Караево, Усть-Рахмановка, Чурино, Шурбино, Тенишево, Тюеево и др. Некоторые произведены от социальных терминов-титолов: *тархан*, *мурза*, *хаджи*. Тарханное землевладение было одним из видов феодальной земельной собственности в Казанском ханстве. Тарханами становились феодалы, которым ханы вручали особые ярлыки — тарханные грамоты с правом сбора податей на указанной в нем территории, за что феодал должен был нести у хана воинскую службу. Тарханное землевладение имело место и на территории мордвы, оказавшейся в составе Казанского ханства. Это непосредственно отразилось в топонимии: села Тарханская Потьма (мордва-мокша) Zubово-Полянского р-на, Тарханы (татары) Темниковского р-на, Тарханово (русские) Ичалковского р-на Мордовской ССР.

Социальный термин *мурза* запечатлелся в неофициальных традиционных названиях мордовских сел: Ташто Мурза (Старые Турдаки) и Од Мурза (Новые Турдаки) Кочкуровского р-на, Мурзы (Кельвядни) Ардатовского р-на и в наименовании русской д. Спасские Мурзы того же района. Следует заметить, что титул *мурза* — один из титулов казанско-ханской феодальной знати — присваивался и служилой мордве, а значит, топонимы, имеющие в основе указанное слово, не обязательно связаны с собственно татарскими первопоселенцами.

Татарский социальный титул *хаджи* (уважаемый, почетный человек) стал названием пос. Хаджи (в нем проживают татары), расположенного в Лямбирском р-не Мордовской ССР.

Тюркскую основу имеют некоторые названия не только татарских, но и мордовских населенных пунктов Мордовии: Бадиково, Баево, Бранчеевка, Кабаево, Сverbейка, Темяшево, Торбеево, Челпаново, Шугурово. В то же время ряд та-

тарских сел носят топонимы мордовского происхождения: Велязьма, Верясы, Лямбирь, Мельцапино, Пишла, Насакан-Потьма, Сургодь, Урледим.

Нельзя не сказать и о ряде русских населенных пунктов Мордовии, носящих наименования, восходящие к тюркским именным основам: Айкино, Айсино, Акаевка, Акашево, Алкаево, Атманка, Бабеево, Баймаково, Бегишево, Будаево, Булаево, Дасаево, Жегалово, Енгалычево, Еникеевка, Ефаево, Итяково, Ишейки, Кадышево, Кайбичево, Караево, Кутырки, Маматово, Нагаево, Рахманка, Рахмановка, Сабаново, Сафаровка, Слаим, Старая Чекаевка, Темяшево, Тенишево, Тювеево, Уразовка, Чекашевы Поляны, Челмодеевский Майдан, Шигаево, Юматово, Юсуповка и др. Как свидетельствуют документальные материалы, основателями или владельцами многих из этих населенных пунктов были татары, главным образом служилые³⁰. Тюркских топонимов, которые использовались или используются для обозначения не населенных пунктов, а других объектов ландшафта, на территории Мордовии немного: речки Аксел, Барахманка, Карачей, Чеберчинка, оз. Шелубей и некоторые другие.

Особо следует сказать о топонимах, содержащих в своей основе этнонимы *буртасы* и *найманы* (села Буртасы, Старые Найманы, Русские Найманы). Ряд исследователей связывали топоним Буртасы с народностью буртасы, исчезнувшей с исторической арены в средневековье. Однако такая прямая связь маловероятна. Скорее всего, указанные топонимы следует искать у татар. Так, в «Книгах письма и меры», составленных Д. Пушечниковым и А. Костяевым в 1624—1626 гг. и представляющих собой описание бортных ухажав Алатырского уезда, буртасы выступают как татары: «...буртаские татарове Ураз Багишев с товарищи...»³¹. В пользу этого утверждения говорит и татарский состав данного поселения. В «Книге письма и дозору Ивана Усова да Ильи Дубровского 1614 году» указывается, что д. Буртаская за Барашем мурзою Инигилдеевым по выписи Матвея Молчанова 1599 г.³² Не исключено, что топоним, обозначивший д. Буртасы, произведен не от этнонима непосредственно, а от антропонима, восходящего к аналогичному этнониму.

Найманы (первоначально монголоязычные) жили между Хангайскими и Алтайскими горами, отчасти на отрогах Алтая. Еще до провозглашения себя великим ханом Темучин разбил найманов. Плано Карпини упоминает их при перечислении земель и народов, покоренных монголами³³. Отдаленные потомки найманов растворились в основном в тюркоязычной среде.

С монголо-татарами этот термин пришел и на территорию Мордовии, отразившись в названии эрзянского с. Ташто Найман, или Эрзянь Найман — (официальное название Старые Найманы). Первое письменное упоминание о нем датируется 1614 г. в «Книге бортных ухажав». С. Русские Найманы Большеберезниковского р-на было основано на месте мордовского с. Новые Найманы в конце XVII в.³⁴ И в данном случае нельзя исключить того, что номинация мордовской д. Ташто Найман произведена не от этнонима *найман*, а от антропонима, восходящего к созвучному этнониму. Антропоним Найман бытовал среди татар³⁵. Мнение о том, что найманы — одно из тюркских племен, часто совершавших набеги на мордовские земли и проживавших на них длительное время³⁶, не подтверждается историческими документами.

Сложность этногенеза и этнической истории мордовского народа сказалась и в его антропологическом облике. Будучи самым западным из ныне существующих финно-угорских народов Среднего Поволжья, мордва в сравнении с ними и наиболее европеоидна. Иногда возникает вопрос, а не связана ли имеющаяся у мордвы, особенно мокши, пусть и незначительная, монголоидная примесь с татарами, тем более, что среди мокши в период ордынского господства были основаны завоевателями военные и административные центры (Наровчат-Мохша, Темников и др.)? «Не стараясь отрицать и эту возможность, — констатирует К. Марк, — все же отметим, что у соседних татар монголоидная примесь связана с другим антропологическим типом — южносибирским обликом...»³⁷. Исповедуя ислам, татары сохраняли определенную обособленность среди местного населения и не оказали

большого влияния на его антропологический состав³⁸. Мордва четко отличала свой антропологический облик от монголоидного, что подтверждается, в частности, материалами ее фольклора³⁹.

В начале II тысячелетия, по-видимому, намечается процесс формирования из мордовской семьи племен мордовской народности, что было обусловлено не только изменением социально-экономической структуры в этот период, но и весьма напряженной международной обстановкой. Возникавшее имущественное неравенство, социальная дифференциация довольно четко замечаются у древней мордвы еще в первой половине I тысячелетия н. э.⁴⁰, а во второй половине они значительно возрастают, приводя к появлению в рамках распадающегося перво-бытнообщинного строя патриархального рабства как общественного подуклада.

Пашенное земледелие, скотоводство, развитое ремесло, природные богатства мордовской земли (пушнина, мед, рыба и др.) давали возможность вести торговлю, сначала меновую, а затем и на деньги. В качестве денежного эквивалента у мордвы первоначально выступали беличьи шкурки — *ур* (мордовское *ур* — белка). Слово *ур* вплоть до недавнего времени бытовало у мордвы в значении «деньги»⁴¹. Беличья система валюты существовала и у ее соседей — марийцев, болгар, славян. Металлические деньги у мордвы вошли в обращение в X в., когда платежным знаком становится дирхем⁴². Деньги по-мордовски стали называться *ярмакт* (одна деньга — *ярмак*). Слово это тюркское по происхождению (в переводе с тюрки означает *рубленный, разменный*) и заимствовано мордвой, видимо, от волжских болгар. Установлено, что основные термины и система денежного счета появились в Поволжье и Прикамье с их крупными городами задолго до обильной чеканки монет ханами джучидской династии, т. е. до монголов⁴³.

Политическое объединение мордвы и ее консолидация, приходившая в предмонгольский период, в частности, на базе «Пургасовой волости» русских летописей, были задержаны монголо-татарским нашествием. Вторжение Батыя на Мордовскую землю русская летопись датирует 1239 г.: «На ту же зиму взяша Батыеве Татарове Мордовскую землю...»⁴⁴. В 1242 г., когда войска Батыя были в Польше, Венгрии, Чехии, Далмации, ему сообщили о большом восстании в тылу, на Волге, что вынудило его вернуться, покорить «мордванов» и обязать их выплачивать Орде ясак⁴⁵.

В период ордынского господства мордовская знать в качестве вассалов служила монголо-татарским ханам, использовалась и русскими князьями в их междоусобной борьбе. Так, во время войны московского великого князя Юрия Даниловича с тверским великим князем Михаилом Ярославичем в 1319 г. в числе войск Юрия указаны татары и мордва⁴⁶. В 1339 г. «Мордовския князи с Мордвичи» совместно с русскими князьями (рязанским, московским, суздальским, ростовским и некоторыми другими) участвовали в походе татар, посланных ханом Узбеком, на Смоленск, бывший тогда в руках литовского князя⁴⁷.

Несмотря на золотоордынское иго, русское феодальное землевладение продолжало развиваться, укрепляясь и за счет захвата мордовских земель. Но оно не могло распространяться беспрепятственно, наталкивалось на сопротивление местного населения, особенно мордовской знати, прибегавшей порой к помощи татарских ханов. Так было, например, в 1377 г., когда «...князи Мордовстии подведоша втаю рать Татарскую из Мамаевы орды Воложския на князей наших, — гласит русская летопись. — ...И побегоша наши к реце ко Пьяне... И бысть на всех ужас велий и страх мног, и изнемогаша вси и бежаша...»⁴⁸.

В конце XIII — начале XIV в. на р. Мокше, в южной части этнической территории мордвы, на месте мордовского поселения, был построен город, названный татарами Мохши, Мухши. Первоначально он был административным центром по сбору ясака, непосредственно подчинявшимся имперскому правительству, но в конце XIV в., с началом внутренних междоусобиц и ослаблением центральной власти, здесь образуется феодальное татарское княжество. Главный город этого княжества Мухша имел большое значение в жизни мордвы в период ордынского господства. Мухша был не только административным, но и торговым центром, о

чем свидетельствует и чеканившаяся в нем преимущественно медная монета, которая использовалась в основном для обслуживания внутреннего рынка. Множество монет, обнаруженных археологами во время раскопок по всему городу, а также в могилах окрестного мордовского населения, говорит об оживленной торговле. Далеко не все богатства мордовской земли завоеватели были в состоянии выкачивать в виде дани ⁴⁹.

Другим золотоордынским административным центром на мордовской земле был г. Темников, возникший, очевидно, на местонахождении монгольского темника-десятитысячника ⁵⁰.

Со второй половины XIV в. в связи с ростом сепаратистских тенденций в Орде захват мордовских земель и поселений татарскими князьями усиливается. Так, в 1361 г. «... князь Ординьский, Тагаи бе имя ему, и от Бездежа и Наручади ту страну отнял себе и ту живяше и пребываше» ⁵¹. Княжество Тагая занимало значительную территорию. В Мохше (Наручади) он чеканил медные монеты со своим именем. В этом же году в бассейне р. Пьяны (в пределах мордовских земель) появился Секизбей, который «...Запианье все пограбил и, обрывся рвом, ту седе» ⁵².

В фонде Саровского монастыря имеются родословные ряда татарских князей, часть из которых (Седехметовы, Кудашины и некоторые другие), если верить этим родословным, происходит от «мурзы князя Бехана», владевшего по Мокше «меж Сатисом и Саровым... градами и прочими жилища татарскими и мордовскими по власти Златой Орды царя». С того времени его потомки стали владеть этими вотчинами и землями и поселились по разным местам. Князья Енгальчевы, имевшие также вотчины в мордовских землях, вели свою родословную от выходца из Орды в XV в. князя Мамы ⁵³.

По договору московского великого князя Дмитрия Ивановича (Донского) с рязанским великим князем Олегом Ивановичем от 1382 г. мордовские места «...по реке по Тцне, от усть Тцны вверх по Тцне, что на Московской стороне Тцны» отошли к Москве, «...а что на Рязанской стороне, а то к Рязани» ⁵⁴. Этот договор неоднократно потом возобновлялся князьями — их наследниками (в 1402, 1405, 1433, 1447, 1483, 1496) ⁵⁵. Московские и рязанские князья договаривались о закреплении указанных мордовских земель за собой и на то время, когда «переменит бог татар» ⁵⁶. В договорных грамотах от 1483 г. и более поздних эта формулировка исчезает, названные «Мордовские места» окончательно входят в пределы Руси, составляя часть ее южных «украин» ⁵⁷. Так, в 1515 г., когда «приходили крымские татары на Мещерские места», из Москвы Василием III была послана грамота крымскому хану Мухаммед-Гирею, в которой отмечалось нарушение последним перемирия: «Приходили твои люди на наши украинны, на Мордовские места, Андышкамурза да Айга-мурза, и приходили на наши украинны безвестно». В грамоте подчеркивалось, что в связи с переговорами между Москвой и Крымом «...на своих украиннах своим людям беречься не велели, а те твои люди в те поры прийдя, нашим украиннам Мордовским местам лихое дело учинили» ⁵⁸.

В XV в. в связи с усилением Москвы мордовская знать изменила свою протатарскую политическую ориентацию, начав выступать на стороне Московской Руси. В 1444 г. совместными усилиями русской и мордовской ратей под Рязанью (на р. Листани) было разбито войско татарского царевича Мустафы: «...И приидоша на них Мордва на ртах с сулицами и с рогатинами и с саблями з другаи стороны. А воеводы великого князя Василия Васильевича с своею силою... И много татар избиша и самого царевича Мустафу убиша...» ⁵⁹.

В сентябре 1445 г. состоялся новый набег татар на Рязань и Мордву: «...приидоша Татарове на Рязанския украинны. Тоя же осени воеваша Татарове Мордву» ⁶⁰.

Борьба ханских группировок привела к середине XV в. к распаду Золотой Орды. На ее территории возникли новые самостоятельные государственные образования: Большая Орда, Ногайская (Заяицкая) Орда, Узбекское, Казахское, Астраханское, Крымское, Казанское, Касимовское ханства ⁶¹. Народы Среднего Поволжья, находившиеся прежде под игом Золотой Орды, после ее распада осво-

бодились на некоторое время из-под власти татар. Но с возникновением к 1438 г. Казанского ханства они оказались в зависимости от казанских ханов и вынуждены были платить им ясак. Кроме того, казанские ханы жаловали ясаком татарских феодалов (мурз, тарханов и р.). Они давали им в кормление поместья — *беляки* (тат. *булэк* — дар, подарок, награда) с местным населением, с которых те собирали ясак для себя. Упоминания о бывших «именных» ясачных платежах мордвы представителям казанской княжеской знати и «беляках» сохранились в русских переписных книгах XVII в.⁶²

В целях усиления своего влияния на ту часть мордвы, которая оказалась в Казанском ханстве, ханы, по-видимому, сохраняли у кормила управления и тех представителей мордовской феодальной знати, кто служил Казани, оставляя за ними их владения. Правда, непосредственных примеров, подтверждающих это наше предположение, пока выявлено немного. Так, в исторических источниках первой половины XVI в. упоминаются «Мордвинава Расовы дети» как представители мордовской знати, занимавшие высокие посты в Казани⁶³.

Значительные группы мордвы были принудительно уведены со своей родины на чужбину в центральные районы Казанского ханства, где помимо уплаты ясака обрабатывали ханские земли. Освободившись от казанско-ханской неволи, многие из них возвратились на свои прежние родные земли по Суре и Мокше. Так, в писцовой книге Свияжского уезда за 1565—1567 гг. перечисляется более двадцати заброшенных мордовских поселений⁶⁴. «Да в тех же селах и в деревнях, — отмечал писец, — с татары и с чувашею преж сего жили мордва и та де мордва разошлася по своим старым улусам по вотчинам и по ухожьям в мордву на Мокшу и по Суре...»⁶⁵.

М. Е. Евсевьев привел веские этнографические, лингвистические и исторические доводы, также подтверждающие обратную миграцию мордвы (мокши и эрзи) с территории Казанского ханства под Саранск и Наровчат. Там осталась лишь незначительная их часть в Тетюшском и бывшем Симбирском уездах⁶⁶. Небольшая группа тетюшской мордвы испытала сильное влияние татар, проживая в их этническом окружении; она постепенно даже позабыла родной язык, перейдя на татарскую речь, но сохранила свое мордовское этническое самосознание. В научной литературе эта этнографическая группа мордвы получила название «каратаев».

В конце XV в. в основном завершается процесс присоединения мордвы к Российскому государству. В духовной грамоте великого князя московского Ивана III, составленной в 1504 г., сказано: «Да сыну же своему Василию даю... Новгород Нижний с волостями и с путми и с селы со всеми Мордвами и Черемисою, что к Новгороду потягло... Да ему ж даю город Муром с волостями и с путми и с селы и со всеми пошлинами, и с Мордвами и с Черемисою, что к Мурому потягло. Да Князи Мордовские все и с своими отчинами сыну ж моему Василью...»⁶⁷.

Австрийский посол С. Герберштейн, пребывавший в Москве в 1517 и 1526 гг., писал о мордве как народе, находившемся под властью московского князя: «На восток и на юг от реки Мокши встречаются огромные леса, в которых живет народ мордва, который имеет свой собственный язык и состоит под властью московского князя... Они живут рассеянно по деревням, обрабатывают поля, питаются дичиной и медом, имеют в изобилии драгоценные меха; это люди в высшей степени свирепые, потому что не раз храбро отражали даже татарских разбойников»⁶⁸.

В 1540-х годах, готовясь к войне с Казанью, русское правительство взяло в аманаты (заложники) часть наиболее влиятельных представителей мордовской знати, пожаловав им в то же время большими привилегиями. Например, Ждан Мордвинов, взятый в аманаты от мордвы в 1546 г., получил поместье в Копорье. От него ведет свое происхождение русский дворянский, впоследствии графский, род Мордвиновых⁶⁹.

Русские войска, отправившиеся на Казань в 1547 г., получили приказ двигаться через мордовские земли. Правительство России надеялось на поддержку мордвы как дружественного народа. И хотя поход 1547—1548 гг. был в целом неудач-

ным, русские серьезно укрепили свои позиции в бассейнах рек Пьяны и Суры, заселенных мордвой, марийцами, чувашами. В последний, победный поход на Казань, начавшийся в 1552 г., русское правительство также, как и в 1547 г., отправило войска через мордовские земли, рассчитывая на содействие мордвы. И оно не ошиблось в этом. Мордовское население не только «...вся потребная приношаху, хлеб и мед и говяды, ова дарованием, иная же продаваху, и мосты на реках деллаху...», но и с оружием в руках участвовало в военных действиях. В сражениях против ханских войск выступали вместе с русскими «...Еникей князь с Мордвою Темниковскою...» и другие мордовские отряды⁷⁰.

Царь щедро вознаграждал участников похода на Казань. Так, в жалованной грамоте от 8 марта 1564 г. мордвину Ивашке Кельдяеву писано: «...государь, царь и великий князь Иван Васильевич, Арзамасского уезду села Кужендей служивого своего мордвина Ивашку Кельдяева, он же по ево, цареву, слову наречен Дружина, и ево, Ивашку, пожаловал вотчинами, лесами с бортными угодьями, и со звериною ловлею, и со бобровыми станами, и со водяными угодьями, и с рыбною ловлею, которые во его дачах имеются воды от Протомоиша вверх по Оке реке до устья речки Железницы... за великую ево, Ивашкину, службу, что был он с ним, государем, царем и великим князем, на службе славной баталии под городом Казанью, царством Казанским... и тогда от него... под тем Казанским царством оказалась немалая храбрость...»⁷¹. В духовной грамоте Ивана IV от 1572 г. называются «...князи Мордовские со всеми же их вотчинами...» под Кадомом, Шацком, Темниковом, Курмышом, Алатырем, сохранившие их за собой и после взятия «царства Казанского»⁷².

Присоединение мордвы к Российскому государству имело позитивное значение не только для ее социально-экономического, политического, но и этнического развития. Оно положило конец разобщению мордовского этноса в пределах двух постоянно враждовавших между собой государств — Московского великого княжества и Казанского ханства, благотворно отразилось на этнической консолидации мордовского народа. Переход под власть Московского государства хотя и не избавил мордву от бремени феодального гнета, но давал определенное, пусть и временное (на 3 года) облегчение от ясака⁷³. Симпатии широких масс мордвы во всяком случае были не на стороне Казанского ханства, а России, что нашло отражение не только в русских летописях, но и в фольклоре самой мордвы⁷⁴.

Примечания:

¹ Древности мордовского народа. Саранск, 1941. С. 3.

² Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 139.

³ Халиков А. Х. Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии // Этногенез мордовского народа (в дальнейших примечаниях ЭМН). Саранск, 1965. С. 153; Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 3, 188.

⁴ Смирнов А. П. Этногенез мордовского народа по данным археологии I—XV вв. н. э. // ЭМН. С. 24—25; Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967. С. 188; Поволжье в средние века. М., 1970. С. 3.

⁵ Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964. С. 159.

⁶ Обзор тюрко-мордовских параллелей в культуре см.: Халиков А. Х. Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии // ЭМН; Мухамедова Р. Г. Культурные взаимосвязи мордовского и татарского народов по данным этнографии // ЭМН.

⁷ Феоктистов А. П. К проблеме мордовско-тюркских языковых контактов // ЭМН.

⁸ Там же. С. 334.

⁹ Там же. С. 341.

¹⁰ Там же. С. 336—337; Феоктистов А. П. Мордовские языки и их диалекты // Вопр. этнической истории мордовского народа. М., 1960. С. 68—69.

¹¹ Евсеев М. Е. Основы мордовской грамматики // Избр. тр. В 5 томах. Т. 4. Саранск, 1963. С. 16.

¹² Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. М., 1972. С. 226—227.

¹³ Махмутова Л. Т. Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1962. С. 150.

¹⁴ Курбский А. М. История о великом князе московском. СПб., 1913. С. 18.

¹⁵ Димитриев В. Д. О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI — начала XVIII веков // Учен. зап. Чувашского НИИ. Вып. XXVII. Чебоксары, 1964.

- ¹⁶ Изборник. М., 1969. С. 326.
- ¹⁷ Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 92.
- ¹⁸ Мокшин Н. Ф. Мордовское название чувашей//Сов. финноугроведение. 1978. № 4. С. 281—282.
- ¹⁹ Татищева В. Н. История Российская. Т. 2. М.; Л., 1963. С. 201.
- ²⁰ Миллер Г. В. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов... СПб., 1791. С. 33.
- ²¹ Георги И. Г. Описание обитающих в Российском Государстве народов. Т. 1. СПб., 1795. С. 35.
- ²² Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 2. Саранск, 1965. С. 86—87.
- ²³ Центральный государственный архив Мордовской ССР. Фонд Р-267 / М. Е. Евсеньев / . Оп. 1, ед. хр. 1, л. 343.
- ²⁴ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. Саранск, 1940. С. 148, 149, 162, 164, 165, 234, 246, 247.
- ²⁵ Документы по истории Удмуртии XV—XVII веков. Ижевск, 1958. С. 60, 190.
- ²⁶ Феоктистов А. П. Истоки мордовской письменности. М., 1968. С. 57.
- ²⁷ Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978. С. 129.
- ²⁸ Волков Г. Н. Этнопедагогика чувашского народа. Чебоксары, 1966. С. 240—241.
- ²⁹ Мокшин Н. Ф. Тайны мордовских имен. Саранск, 1991. С. 56.
- ³⁰ Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск, 1979. С. 12—25, 35—59, 70—73, 115—167, 171—210 и др.
- ³¹ Мокшин Н. Ф. Этническая история мордвы. Саранск, 1977. С. 44.
- ³² Инжеватов И. К. Указ. раб. С. 35.
- ³³ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 57.
- ³⁴ Инжеватов И. К. Указ. раб. С. 160, 161, 181.
- ³⁵ Черенков Л. Н. Из этнической истории литовских татар//География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983. С. 67.
- ³⁶ Инжеватов И. К. Указ. раб. С. 181.
- ³⁷ Марк К. Ю. Этногенез мордовского народа по данным антропологии//ЭМН. С. 35.
- ³⁸ Бунак В. В. Антропологические типы и некоторые вопросы этнической истории//Происхождение и этническая история русского народа. М., 1965. С. 269—270.
- ³⁹ Кривошеева Е. П. Кочкарь произведения. Саранск, 1968. С. 71.
- ⁴⁰ Трубникова Н. В. Некоторые погребения Кошибеевского могильника и черты общественного строя того времени//Тр. Мордов. НИИ. Вып. 39. Саранск, 1970. С. 110, 112.
- ⁴¹ Цыганов Н. Ф. Заметка о древнемордовской денежной единице//Зап. Мордов. НИИ. Вып. 9. Саранск, 1947. С. 137—146.
- ⁴² Алихова А. Е. Распад первобытнообщинных отношений и становление феодальных отношений у мордвы//ЭМН. С. 65.
- ⁴³ Мухамадиев А. Г. Деньги, денежная терминология и денежный счет Булгара в предмонгольский период//Сов. археология, 1972. № 2. С. 70.
- ⁴⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. X. М., 1965. С. 115.
- ⁴⁵ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 47—48, 98.
- ⁴⁶ Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. С. 87.
- ⁴⁷ ПСРЛ. Т. X. С. 211.
- ⁴⁸ ПСРЛ. Т. XI—XII. М., 1965. С. 27—28.
- ⁴⁹ Алихова А. Е. Указ. раб. С. 67—68.
- ⁵⁰ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 79, 95.
- ⁵¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Рогожский летописец. М., 1965. С. 70.
- ⁵² Там же. С. 71.
- ⁵³ Центральный государственный архив Мордовской ССР. Фонд I /Саровский монастырь/. Оп. I, ед. хр. 35, лл. 123—134, 137—142, 148, 151—152, 156; Сафаргалиев М. Г. Указ. раб. С. 95; Ямушкин В. П. О ясаке и мордовском беляке//Тр. Мордов. НИИ. Вып. 24. Саранск. 1956. С. 104.
- ⁵⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XVI—XVI в. М.; Л., 1950. С. 29.
- ⁵⁵ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813. С. 67—68, 70—71, 96—99, 142, 144—146, 279, 282—286, 320—322, 325—329.
- ⁵⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв... С. 284—285.
- ⁵⁷ Там же, С. 286, 289.
- ⁵⁸ Каргалов В. В. На степной границе. М., 1974. С. 48—49.
- ⁵⁹ ПСРЛ. Т. XI—XII. С. 61—62.
- ⁶⁰ Там же. С. 62.
- ⁶¹ Сафаргалиев М. Г. Указ. раб. С. 232, 255—257; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 167.
- ⁶² Переписная книга мордовских селений Алатырского уезда 1671 года. Саранск, 1979, С. 83, 85, 106—107; Мокшин Н. Ф. Мордовский этнос. Саранск, 1989. С. 45.
- ⁶³ Сафаргалиев М. Г. Присоединение мордвы к Русскому централизованному государству//Тр. Мордов. НИИ. Вып. 27. Саранск, 1964. С. 13.
- ⁶⁴ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1556—1567 гг.). Казань, 1909, С. 66, 71, 76, 84—85, 89, 98, 100—101, 104—105, 108—110, 122, 127—128, 130, 132—134, 137—139.
- ⁶⁵ Там же. С. 110.
- ⁶⁶ Евсеев М. Е. Мордва Татреспублики//Избр. тр. Т. 5. Саранск, 1966. С. 391—392.
- ⁶⁷ Собрание государственных грамот и договоров... С. 392.
- ⁶⁸ Герберштейн С. Зап. о Московитских делах. СПб., 1908. С. 99—100.

- ⁶⁹ Энциклопедический словарь. Т. XIX в. Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1896. С. 841—842.
- ⁷⁰ ПСРЛ. Т. XIII. М., 1965. С. 199, 210, 466, 495, 505, 507; Т. XXI. Вторая половина. СПб., 1913. С. 643.
- ⁷¹ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. Саранск, 1940. С. 153—154; Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического общества. Вып. 2. Петроград, 1915. С. 748—749.
- ⁷² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв... С. 437, 439.
- ⁷³ Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. Составлен под руководством П. Кеппена. СПб., 1861. С. 381.
- ⁷⁴ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1. Саранск, 1963. С. 290—293.

From the History of the Mordovian-Turkic Relations

Mordovian-Turkic, especially Mordovian-Tatar relations are assessed on the basis of ethnographic, archeological and historical sources. The author comes to the conclusion that these relations were mostly friendly and non-confrontational in their character, which has contributed to mutual culture enrichment. At the same time, in a century-long struggle between Moscow principality and Kazan' khanate the Mordovian people made their historic choice and took the side of Moscow against Kazan'.

N. F. Mokshin